

Е. М. Годлевская

ПАМЯТНИКИ МИХАИЛА ШЕМЯКИНА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В последние годы в Санкт-Петербурге наметилась тенденция возрождения утраченных памятников и сооружения новых произведений монументальной скульптуры, нередко вызывающих самые разноречивые отклики, мнения и суждения петербуржцев.

Особое место среди них, безусловно, занимают памятники, установленные в 1991 и 1995 гг. и выполненные художником Михаилом Шемякиным: на территории Петропавловской крепости – Петр I, на набережной Робеспьера – Памятник жертвам политических репрессий, у храма Св. Сампсония Странноприимца – Памятник первостроителям Петербурга (два последних выполнены в содружестве с архитектором В. Бухаевым).

Первоначально негативное восприятие этих подлинных произведений искусства было вызвано не просто их нетрадиционностью и оригинальностью, а в первую очередь – нашей неподготовленностью оценить творческую манеру и талант одного из самых известных и признанных в мире художников, чей дар оказался невостребованным на родине и послужил причиной изгнания двадцативосьмилетнего художника за пределы отечества. Сейчас он один из самых известных в мире художников: почетный доктор трех университетов и Академии художеств Европы, пожизненный член Нью-Йоркской Академии наук, шевалье изящных искусств Франции, а с 1994 г. – лауреат Государственной премии России.

«Мои работы – это скорее монолог, чем диалог – надо учиться понимать, – говорит Шемякин. – Нельзя в сегодняшнем изобразительном искусстве, которое стало безумно сложным, начиная с импрессионизма, от Шишкина перескочить сразу к Сезанну, Пикассо или исканиям Сальвадора Дали»¹.

Творческий путь художника

Мой друг – он гений всех времен.
Высоцкий – Шемякину

Художник, график, скульптор – Михаил Михайлович Шемякин родился в Москве в 1943 г., его родители – выходцы из Кабардино-Балкарии, окончил Художественную школу при Институте им. И. Е. Репина в Ленинграде. В шестидесятые годы вместе с живописцами О. Лягачевым, В. Ивановым, А. Васильевым и О. Есауленко создал группу «Санкт-Петербург» и программу «метафизического синтетизма», которая настолько не соответствовала представлениям радеющих за соцреализм власть имущих, что художник был признан невменяемым и помещен в психиатрическую больницу. После «лечения» год не мог прикоснуться к холсту, уехал в Армению, жил там отшельником в пещере, пытаясь выжить и восстановить себя как личность. Вернувшись в Ленинград, стал работать дворником и грузчиком,

¹ Бараников М. Троянский конь? Бесценный дар? // Смена. 1991. 16 июня.

как он грустно шутил, «носителем культуры» в Эрмитаже, в бригаде таких же художников-такелажников. Эта работа дала возможность бесплатно копировать великих мастеров прошлого, продолжать творческие поиски в стиле постмодернистской культуры и организовать выставку, участники которой были объявлены идеологическими диверсантами и врагами народа. Шемякин был поставлен перед трагическим выбором: «Когда меня изгоняло КГБ, было сказано, что у меня есть три возможности существования: психиатрическая больница, тюрьма или покинуть Россию навсегда. Я выбрал последнее»².

Так в 1971 г. Шемякин оказался в Париже, а в 1981 г. уже признанным в Европе мастером переезжает в США, почувствовав, что «центр мирового искусства» переместился на запад. Но потребовалась масса усилий, преодолений и свершений, прежде чем он смог выжить и утвердиться в этом мире. Став на Западе известным художником, Шемякин огромное время, силы и средства посвящает пропаганде русского искусства, всегда подчеркивая, что он русский художник. «Я чувствую себя именно русским в высоком смысле этого слова, я пропагандирую русское искусство, потому что чувствую себя русским»³. Он издает в Париже альманах «Апполон-77» на русском языке, организует выставку русских художников в Париже в Пале де Конгре, выпускает в Нью-Йорке журнал «Искусство России и Запада», издает полный альбом записей В. Высоцкого, создает «Комитет по спасению забытых военнопленных», организует фонд для инвалидов Афганской войны. В октябре 1995 г. Шемякин привозит в Москву и Санкт-Петербург грандиозную выставку, включающую около шестисот работ всех стилей и жанров за период 1962 – 1995 гг. Это и его знаменитые карнавалы, и необыкновенные галографические графические листы, и монументальные скульптуры, и ювелирные работы малой пластики, и светлая серия «Скорбный облик Петербурга». «Это моя ностальгия по моим бесценным друзьям, ностальгия по одному из самых красивых городов мира – Питеру»⁴.

Несмотря на это многообразие жанров, Шемякин неустанно ищет новые формы и подходы к творчеству. К таким его исканиям относится искусство метафизического синтетизма, суть которого заключается в трансформации с позиций искусства двадцатого века изобразительных традиций со всего света, охватывающих все эпохи и культуры. «Каждая новая работа рождается из пепла других великих работ, которые она метафизически трансформирует»⁵, – говорит художник.

Памятник Петру I

И никто не поймет тоски
Петра-узника, закованного
В собственном городе.

В. Маяковский

В июне 1991 г. в Петропавловской крепости был установлен памятник, который является зримым воплощением шемякинской идеи «метафизической трансформации». Именно поэтому его появление вызвало бурю самых противоречивых эмоций и откровенных протестов не только простых горожан, но и искусствоведов

² Свинаренко И. Михаил Шемякин: «Все мы смешные актеры в театре Господа Бога» // Домовой. 1995. № 1.

³ Коротич В. Свидание с Россией // Огонек. 1989. № 23.

⁴ Там же.

⁵ Одижье Ж. Неповторимый новаторский дух // Русский курьер. 1993. № 1. Январь.

(забастовал даже Музей истории города) – настолько этот Петр не соответствовал любимым и знакомым с детства образам воителя, реформатора, создателя нашего великого города. И вдруг мы увидели Петра – человека великой, трагической судьбы – и не узнали его, несмотря на знакомое лицо, исполненное по известной прижизненной маске Растрелли. Но это – памятник императору, выполненный уже мастером конца XX в., а как известно, каждая эпоха говорит на своем языке. «Я взял маску Растрелли, потому что это живой отпечаток. И в этом нечто таинственное, какой-то метафизический знак, – сказал Шемякин на пресс-конференции в Мраморном дворце. – Я не хотел, чтобы это был помпезный портрет Петра. Моя задача была как бы столкнуть зрителя лицом к лицу с этим удивительным человеком – гигантом и по роду, и по духу»⁶. В скульптуре М. Шемякина, в отличие от идеализированных образов прошлых лет, воссоздана другая грань облика Петра I – трагедия человека, взвалившего на свои плечи грандиозную миссию «обратить Россию лицом к миру». Бесчисленные жертвы, положенные на алтарь этой идеи, и как их апофеоз – жизнь наследника, неминуемо должны были превратить самого палача в жертву и наложить свой трагический отпечаток на весь облик Петра I.

«У Шемякина император – страшен, а памятник – красив. И в этом контрасте, может быть, продолжение лучших традиций изображения Петра Великого»⁷, – говорит архитектор Бараников. О трагедии страдающей души, закованной в бронзу, говорит не только усталое, застывшее лицо императора, но и руки, вцепившиеся в подлокотники кресла, – не просто обоснованное изменение пропорций и гротеск, свойственные манере М. Шемякина. Эти руки невольно воскрешают легенду о покидающем свое кресло императоре. Когда в сумерках бродишь по крепости, не оставляет мистическое чувство: оглянувшись, увидишь пустое кресло. Ведь это его владения, здесь покоится прах его, здесь он начинал свой «парадиз», и где, как не здесь, на этом острове, на фоне низких петровских строений стоять этому памятнику. «Я никогда не мечтал, что этот памятник встанет в самом почетном месте. И это громадное событие в моей жизни, – говорит М. Шемякин. – Когда глубокоуважаемый мною академик Лихачев сказал, что эта скульптура не должна стоять в “американской глуши”, я подумал – неужели возможно, чтобы он оказался здесь! Но вот выяснилось – чудеса бывают»⁸.

Памятник жертвам политических репрессий

Перед нами лицо эпохи – живое и мертвое.

Д. С. Лихачев

Еще один величественный и трагический памятник Шемякина – его «метафизические сфинксы» с прекрасными и ужасающими полулицами молодых женщин. Эти страшные, разъеденные тленом смерти лики, ставшие символом террора, вознеслись над Невой напротив мрачно знаменитых «Крестов», в том месте, где, как вспоминают свидетели, в годы сталинского режима по специальной трубе стекала в воду кровь казненных в подвалах «Большого дома». Жутким пророчеством звучат стихи, написанные в 1916 г. О. Э. Мандельштамом, погибшим в 1938 г. в Гулаге:

В огромной комнате тяжелая Нева
И голубая кровь струится из гранита.

⁶ Кожевникова Н. Петр благословил «будущее без греха» // Невское время. 1991. 8 июня.

⁷ Бараников М. Троянский конь? Бесценный дар? // Смена. 1991. 16 июня.

⁸ Кожевникова Н. Петр благословил «будущее без греха» // Невское время. 1991. 8 июня.

«Меня поразили их облик, – сказал на открытии памятника Д. С. Лихачев, – у каждого сфинкса на набережной Робеспьера лицо наполовину человеческое, наполовину – лицо смерти. И это напоминание о бесчисленном множестве жертв, чьи стоны так и не были услышаны»⁹.

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли списки, и негде узнать.

А. Ахматова

Выбор М. Шемякиным скульптур сфинксов был предопределен не только стремлением увековечить память невинных жертв, но и присущим ему методом метафизической трансформации в данном случае великого наследия Египта. Застывшие в торжественном покое величавого бессмертия лики фараонов, фланкирующих спуск к Неве у Академии художеств, ставшие основой для создания современных сфинксов, звучат ярким диссонансом ликам смерти и надписям на пьедесталах, посвященных памяти известных и безымянных граждан, сгинувших в советских застенках. Это и стихи Анны Ахматовой, Николая Гумилева, Владимира Высоцкого, Николая Заболоцкого, Иосифа Бродского, и проза Александра Солженицына, Дмитрия Лихачева, Юрия Галанского, Владимира Буковского, Рауля Валленберга, вскоре здесь появятся еще два текста – Шаламова и Сахарова.

Характерно, что на открытие памятника жертвам политических репрессий сами жертвы приглашены не были (ни «Мемориал», ни «Левашовская пустошь», ни «Справедливость», ни Ассоциация жертв репрессий). Увековечивание памяти не вызвало энтузиазма современных чиновников, и тем дороже нам этот первый памятник нашим павшим и живым, на котором, в отличие от надписи на цоколе памятника Петру – «Императору Петру – от художника Шемякина», достойное место могла бы занять надпись – «Жертвам политических репрессий – от гражданина Шемякина».

Памятник первостроителям Петербурга

Старее все и все уносит время,
Но зрелища грустнее нет, когда
В заботах дня мятущееся племя
Приют отцов сметает без следа.

К. Фофанов

Трагический и светлый памятник – пронзительно тонкий крест в арке из темно-красного полированного гранита – вознесся над первым петербургским погостом как дань памяти первостроителям великого города. «У светлого Сампсония Странноприимца нашли упокоение первые архитекторы служители граждане Санкт-Петербурга», – гласит надпись на памятнике.

Действительно, этот первый петербургский погост, который начали разрушать еще в XIX в., а при советской власти просто сравняли с землей, присвоив новому скверу имя Карла Маркса, помнит великие и славные имена архитекторов, ученых, строителей Петербурга. Здесь лежат архитекторы А. Кокоринов, Д. Трезини, Ж. Леблон, А. Шлютер, Г. Маттарнови, Н. Гербель, П. Еропкин, скульптор Б. Растрелли, художники Л. Карвакк, С. Торелли, фельдмаршал Б. Миних, первый президент Санкт-Петербургской Академии наук Л. Блюментрост, советник А. Хрущов, кабинет-министр А. Волынский.

⁹ Кожевникова Н. Сфинксы над Невой // Невское время. 1995. 19 апреля.

Идея увековечить память тех, кто закладывал наш город, чье творчество стало камертоном для зодчих будущих времен, и кому мы обязаны великой честью жить в этом городе, принадлежит директору Музея-заповедника «Петродворец» В. Знаменову. Но только в октябре 1995 г. талантом М. Шемякина и В. Бухаева, объединивших русский гранит и металлические детали, отлитые в далеком штате Нью-Йорк и изображающие атрибутику художника, был создан этот истинно петербургский обелиск. «Это великая честь – служить России и этому городу. Все годы, что я провел за границей, я думал о Петербурге»¹⁰, – сказал художник на открытии памятника.

Идея и возведение этого обелиска прекрасны, и наша святая обязанность уберечь его от современных вандалов, которые уже изувечили облик надгробия. Нелегко возвращается «любовь к отеческим гробам» в изувеченные годами жестокости и безверия наши души. Тем более мы должны быть благодарны М. Шемякину за его бескорыстный вклад в пробуждение национального самосознания и преклонения перед памятью великих предков, положивших свою жизнь на алтарь нашего великого города.

«... Я всего-навсего маленький первопроходец, старающийся лопаткой прокопать туннель в двадцать первый век»¹¹, – сказал Шемякин. И можно надеяться, что люди двадцать первого века отдадут, наконец, должное великодушию художника, подарившего прекрасные творения своему любимому городу – Санкт-Петербургу.

¹⁰ Дмитриев Ю. Памятник первостроителям // Невское время. 1995. 18 окт.

¹¹ Там же.